Друид и не собирался. Он встал и подошёл к небольшой куче оружия, сваленной под елью. Выудил оттуда его любимый боевой топор — бывший когда-то острым, но теперь наверняка затупившийся. Протёр его собственным подолом, сунул в огонь, прокаливая хорошенько. И раскалённым, покрасневшим лезвием отрубил широким и явно привычным по колке дров движением уже отрезанную плоть — чётко и быстро. Хрясть. Гэл взвыл и затих — ушел от неподъёмной боли, понял Баки. Он сам зажмурился, и неотвратимо захотелось освободить свой и без того пустой желудок на примятую траву рядом. Друид взял свой тлеющий факел и прижег гэлу рану, и по поляне пополз отвратительный запах паленой плоти.

Так потекли их размеренные, скучные даже дни. У друидской хламиды не стало обоих рукавов. Баки чувствовал боль в плече, но с каждым днём она словно отступала на шаг, становилась зудящей и привычной. Он шёл на поправку и не думал больше о смерти. Он не лежал, а полусидел, привалившись спиной к ещё теплому, шершавому стволу ели. Шёл на поправку и враг, безногий гэл. А вот пикты из другого клана — друид ещё раз кинул на них внимательный взгляд, пока Баки делал вид, что никак не интересуется их телами, — умерли один за другим. Но Баки успел перекинуться с ними парой слов, когда они ненадолго приходили в себя. Теперь он знал, где искать их клан, чтобы принести скорбную весть. И если бы он мог, он бы не отдал их тела друиду… Но нет. Весь вечер до него доносились жуткие тошнотворные хруст и чавканье, и он был бы счастлив выбрать себе другое погребение. Вот только друид на него чихать хотел. Он едва ли замечал его, когда ходил по поляне.

А Баки распирало с каждым днём всё больше чувство непонимания и один простой вопрос: зачем? Зачем друид делает всё это? И от травы и отваров уже начало сводить живот. Он хотел горячей дичи и мяса. Захотел не сразу, конечно. А когда окреп настолько, чтобы попытаться встать.

И тогда он, не веря своему собственному телу и головокружению, со страхом, словно он мог разучиться ходить, поднялся на ноги и пошёл вокруг костра. Это было не чудо, это был триумф его тела и его упрямства. И пускай друид просто отошёл подальше от него, на шаг ближе к тени елового лапника, Баки почудилось, что он чуть дёрнул краешком губы при виде его усилий.

Баки упал обидно, неожиданно, в падении выворачиваясь и смачно падая на здоровое плечо. Он запнулся о чужую нагло вытянутую на его пути ногу. Всё было по-прежнему. Пели птицы, порой рядом пробегал занятый своими делами ёж. И в эту секунду, лёжа лицом в грязи, он понял вдруг отчётливо и ясно, что их осталось двое у друида. Пикт и гэл. И никогда не ужиться им вместе на этой небольшой поляне под сенью высоких елей. Друид вытащил их обоих с того смердящего поля — Баки поднялся на четвереньки и распрямился, обтирая с лица сухие иглы и грязь, гэл глядел на него брезгливо и победно, хоть сам ещё и не пытался вставать, — но не ему было решать, кому жить, а кому умирать.

Это должен был решить Баки.

И ночью, подкараулив, когда мальчишка лёг наконец и уснул, он достал свой лучший нож, который, зажав между колен, как мог, наточил несколько дней тому назад. Он прополз до гэла на четвереньках, держа рукоять в зубах. Навис над его безмятежным лицом, дождался, когда тот немного проснётся, недоуменно распахнёт глаза — и одним знакомым, сильным рывком

ножа перерезал ему глотку, после чего и вовсе отделил голову от тела. Тело ему было ни к чему. А вот на голову он имел полное право как на трофей и гарантию. И как же неудобно, тяжело и неловко было справляться без руки… Собрав в кулак рыжеватые волосы, Баки потащил голову к месту, где он спал на куче лапника.

Поутру он проснулся от тяжести, внезапно свалившейся на живот. Костлявой и неудобной. Он вскинулся, раздирая глаза, — и в этот момент друид, оседлавший его, с безумным, страшно перекошенным и мокрым лицом принялся бить зажатым в руке разделочным ножом. Снова и снова поднимал и всаживал его в землю рядом с головой, у самого уха, только комья земли летели, когда он яростно, со страстью убивал его каждым движением. И так и не решился убить по-настоящему. Слёзы и сопли текли по его юному лицу, глаза были красными, навыкате — а ведь Баки жмурился, пытаясь защититься от летящей земли. Он весь обмер, его словно сковало по рукам и ногам не то от страха, не то от удивления. Обессилев, друид обмяк и ссутулился, утыкаясь головой куда-то ему между ключиц. Всхлипнул и затих. Даже с тяжестью на себе, Баки дышал часто и так и не мог надышаться. Друид медленно распрямился, совсем по-мальчишески утер нос свободной рукой и встал с него, и, забрав лежащую неподалёку голову, прижал её к себе. И так побрёл куда-то, не остановившись за кругом елей — сутулый, тощий, словно таял в сумерках. С рыжеволосой головой в одной руке и ножом в другой.

Баки ждал его до утра, наблюдая за тем, как сгущаются и плотнеют, а затем истончаются ночные тени. И так и не дождался.

http://erolate.com/book/3459/83605